

ФЕМИНИЗАЦИЯ ЖЕНСКОГО ЛЕКСИКОНА В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ И ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОГО РАВНОВЕСИЯ

DrSc., professor. Palacky University, Faculty of Art, Department of Slavonic Studies, alla.arkhanshelska(at)upol.cz; alla_arkhanshelska(at)yahoo.com

ÖZ

Ключевые слова:
язык и гендер,
постпатриархатные
языки,
андроцентризм,
языковая
дискриминация,
гендерная
асимметрия,
словообразовательная
феминизация,
неофеминатив,
языковой
менеджмент и
языковой маркетинг.

Статья посвящена проблемам изучения гендера как социокультурной составляющей пола в украинском языковом сообществе. Рассмотрены факты национализации украинских гендерных исследований, их векторы; система положений, исходных для идеологически отягощенного и непредвзятого подхода к вопросу о статусе андроцентризма в языке, языковой дискриминации или гендерной асимметрии; проблемы исследовательских стереотипов. Подробно изучена феминизация наименований по профессии, роду занятий, социальному статусу в украинском языке новейшего времени, стимулирующие и сдерживающие факторы, отношение к этому явлению академического сообщества и коллектива говорящих, предложены пути решения проблемы с использованием теории языкового менеджмента и маркетинга.

FEMINIZATION OF VOCABULARY NAMING WOMEN IN THE MODERN UKRAINIAN LANGUAGE. GENDER BALANCE ISSUES

ABSTRACT

Keywords:
language and
gender,
post-patriarchal
languages,
androcentrism,
linguistic
discrimination,
gender
asymmetry,
derivational
feminization, new
female nomination,
language
management and
marketing.

The paper deals with the study of gender issues in the Ukrainian language community. It analyzes the facts of nationalization of Ukrainian gender studies and their vectors, the system of stances that form the source for the ideologically overburdened and open-minded approach to the question of the status of androcentrism, linguistic discrimination or gender asymmetry, and the issues of research stereotypes. The paper studies the process of feminization of vocabulary naming women by profession, occupation and social status in the modern Ukrainian language, its incentives and disincentives, and the attitude of the academic community and native speakers to this phenomenon. It also offers the ways of solving this problem using the theory of language management and marketing.

запись

Изучение гендера как социокультурной составляющей пола в украинском языковом и культурном пространстве оказывается сегодня одним из самых популярных направлений научных исследований, активизировавшихся на рубеже XX-XXI веков в связи с существенными трансформациями, которые произошли в украинском обществе с начала 90-х годов прошлого столетия и существенно изменили образ жизни, способ мышления украинцев и значительным образом повлияли на осознание ими национальной идентичности. Естественно, что гендерные исследования, зародившиеся в русле зарубежной феминистской лингвистики, развивались изначально в системе ее координат и идеологических ориентиров. Важным фактором, способствующим становлению гендерной лингвистики в Украине, стало интенсивное развитие новых направлений в социальных науках и активизация междисциплинарных исследований, осуществляемых как в рамках «традиционных» научных парадигм, так и когнитивной лингвистики, социолингвистики, психолингвистики, что в значительной мере определило их понятийно-терминологический и методологический аппарат. Вместе с тем сегодня есть все основания говорить о формировании украинской национальной гендерной лингвистики, поскольку именно национальная доминанта в начале XXI века оказывается ведущей в лингвокультурном сознании украинцев.

Известная украинская исследовательница гендера в языке, общественном сознании и коммуникации Л. Ставицкая в свое время писала: «Современная гендерная лингвистика переживает своеобразный «гендерный бум», а поэтому можно и нужно говорить о накоплении идей, направлений, о поисках и экспериментах, имея в виду становление украинской лингвистической гендерологии, ибо гендер как ни одно другое социолингвистическое понятие своими корнями уходит в жизнь, реалии, нормы и традиции определенной культуры (Ставицкая 2003: 30). Украинская гендерная языковая личность с набором своих специфических, этноментальных, ассоциативно-вербальных, коммуникативных констант языкового поведения сегодня мало изучена, и, как следствие, она не фигурирует в зарубежных исследованиях, что обедняет лингвогендерологическую парадигму научного познания в целом (Ставицкая 2005: 47). На рубеже веков украинская гендерная лингвистика ориентировалась главным образом на российскую традицию, берущую свое

начало от работ А. Кирилиной (Кирилина 1999; 2000), на русскоязычный социум, проживающий в Украине, и на зарубежный языковой материал (Сукаленко 2013: 249). Сегодня исследования гендера в Украине все больше ориентированы на «украиноязычный социум», на национальную специфику украинской ментальности, которая своеобразно запрограммирована в системе единиц национального языка, представлена во всех его текстовых разновидностях, отражается в речевой деятельности как отдельного индивида, так и лингвокультурного коллектива носителей украинского языка и говорящих на нем. Такие исследования опираются на национальную почву с учетом историко-культурной, экономической, политической, социально-правовой ситуации в современной Украине. Их авторы пытаются учесть патриархатную¹ традицию, соответствующие архетипы и их динамику, мотивированную изменениями гендерной нормы, гендерных ролей и гендерных стереотипов и – шире – гендерной картины мира украинцев. Работы в сфере лингвистической гендерологии свидетельствуют о том, что проявления гендера в языке и речи носителей украинского языка обусловлены их соответствующей гендерной программой, мотивированной универсальными категориями с национальной спецификой их трансформаций, поскольку национальная лингвогендерология, вне всякого сомнения, должна ориентироваться на собственные реалии и традиции

1 В гендерно ориентированных исследованиях последних лет все чаще встречаем в качестве вариантных термины *постпатриархальный* (vs *постпатриархальный*) язык (ср. *постпатриархальное* (*постпатриархальное*) общество, сознание, право, этнобытие; *постпатриархальная* (*постпатриархальная*) культура, семья и т.п.). Тем не менее некоторые авторы настаивают на необходимости разделить термины патриархальный (в связи с его многозначностью: в первом значении – производное от патриархат 1. Последний период первобытно-общинного родового строя, следующий за матриархатом, характеризующийся господством мужчины в хозяйстве и общественных отношениях. 2. Совокупность экономических, общественных и идеологических отношений, свойственных этому периоду // Относящийся ко времени патриархов; в переносном значении – 2. Верный старым традициям, отжившей старине; чуждый новой культуре, устарелый, старозаветный, добродушно-примитивный (Ефремова 2006. Ожегов, Шведова 2006); и патриархальный (непосредственно связанный с патриархатом как общественным строем с мужским доминированием) (ср. лингвистический и лингвальный). Последняя точка зрения представлена и в данном исследовании с необходимостью уточнения дефиниции *постпатриархальный* язык. Под *постпатриархальным* (vs *постпатриархальным*) языком понимают язык как элемент *постпатриархальной* культуры, являющейся современным продолжением патриархальной формы социальной организации с четко выраженным мужским доминированием относительно политической власти, морального авторитета, собственности, семейных отношений. Компонент пост- учитывает последующие ее модификации в направлении повышения в социумах элементов эгалитарности. В терминах феминистской (гендерной) лингвистики *постпатриархальные языки* – суть мужские языки, строящиеся на мужской картине мира и, соответственно, игнорирующие в языковом пространстве женщины. В нашем понимании *постпатриархальные языки* – языки с четко выраженной в их системе и структуре социально и культурно обусловленной андроцентричной (маскулинной) доминантой, отражающие в их современном развитии актуальные изменения соотношения мужского и женского, а также статуса женщины в жизни общества (см. подр. Архангельская 2015: 92; Архангельская 2016).

(Ставицька 2004, 2015; Малахова 2011; Сукаленко 2013; Гендерна лінгвістика в Україні 2014: 59-93; Архангельська, Левченко 2018).

Сегодня векторы гендерных исследований в Украине распределены следующим образом. Первый сориентирован на язык как системно-структурное образование, репертуар его единиц с точки зрения манифестации в них рода, пола и гендера как социокультурного конструкта. В центре внимания исследователей оказываются части речи и их грамматические категории, словообразование, синтаксис, номинативная система, лексикон (лексика, фразеология, паремиология), поиск гендерной составляющей единиц языка различных уровней; определение системы оценок, приписываемых мужчинам и женщинам; сфер, где эти оценки выражены особенно ярко. Сюда примыкает и концептуальная сфера (гендерная картина мира), когнитивно-познавательные гендерно обусловленные факторы ее формирования; системы стереотипных представлений о мужчине и женщине и их отражение в языке как социокультурном феномене. Второй вектор исследований направлен на речь как формирование и формулирование мыслей средствами языка, на влияние гендера на речевое и коммуникативное поведение мужчин и женщин, на типично мужские и женские коммуникативные стратегии и тактики, на способы достижения успеха в коммуникации, гендерно специфические предпочтения в выборе лексики, грамматических и синтаксических конструкций, специфику мужской и женской речи. В центре внимания обоих векторов – манифестация гендера в языке, его влияние на гендерное коммуникативное поведение, на структурирование речевых жанров с точки зрения гендера как социокультурного феномена.

Исходными и в феминистской, и в гендерной исследовательской парадигме оказываются проблемы гендерного неравенства, гендерных асимметрий и гендерного баланса, наличие т.н. «дискриминативных (сексистских)» структур языка и вопросы реформирования языка в целях достижения гендерного равновесия. Однако здесь чрезвычайно важным оказывается «угол зрения», под которым проблема рассматривается: идеологизированный или непредвзятый. Именно он в дальнейшем будет определять дихотомию видения одного и того же языкового явления «феминистским» и «не-феминистским» взглядом, а через него – критику языка или непредубежденные исследования языка. И хотя в славянском языкознании на рубеже веков намечается

некоторый отход от феминистского императива, что способствовало становлению гендерной лингвистики, а позже – и лингвистической гендерологии, вопрос о гендерном равновесии в языке (речи) и социуме, в общественном сознании украинцев, их культуре остается одним из наиболее злободневных, причем, в отличие от ситуации в других странах, одетым в выразительно «национальную одежду». Предлагаемая статья призвана изучить эту проблему в контексте чрезвычайно активного в современном украинском языковом сообществе на рубеже тысячелетий процесса неофеминизации женского лексикона.

Мужчина создал язык

Вопросы языковой «дискриминации» напрямую связаны с андроцентричной доминантой языков постпатриархатного типа. Ученые, опирающиеся в своих исследованиях на системно-структурные характеристики языка, историю его развития, считают, что андроцентризм – универсалия в языках постпатриархатных культур, следствие патриархатной константы общественного мышления. Это внутренне системное свойство языков, своеобразный ген, на всю последующую жизнь обусловивший доминирование маскулинного над фемининным в различных подсистемах языка, в его единицах и дискурсе. В рамках такого видения проблемы более корректной представляется формулировка андроцентризм в языке, а не андроцентризм языка (см. подр. Архангельская 2011: 9-17; 2016: 1-16)¹.

Феминистская критика языка, опираясь на исследование Дж. Спендер (Спендер 2001: 175-187) и ее последователей, утверждает, что язык – это мужское изобретение: он определяет картину мира с мужской перспективы, где мужчина – *Homo sapiens*, а женщина – подвид «человека вообще», объект, «другой», «чужой». Язык фиксирует, закрепляет и транслирует ее подчиненное положение, второстепенный статус (Аберкромби, Хилл, Тернер 1997: 7; Словарь гендерных терминов). В созданном мужчинами языке мужское – норма, женское – отклонение от нее. Иными словами, андроцентризм – это взгляд

¹ Неоправданная в научном дискурсе антропоморфизация языка отражается в формулировках типа: «язык дискриминирует», «язык конструирует гендерные различия», «язык приписывает различные социальные роли», язык «внушает, внедряет в глубины сознания мысль о том, что женщина является как бы производным от мужчины», язык «расставляет лингвистические ловушки», «деспотизм» языка, «шовинизм языка» и под., которые очень часто оказываются оперативными единицами гендерных исследований. Вся эта стереотипная терминология внушает мысль о некотором языковом произволе, если не гендерном беспределе, чинимом языком по отношению к незаслуженно обойденному вниманием женскому субъекту социальной и экономической жизни (Шапенко 2006: 32).

на мир глазами мужчин, выдача мужских представлений, ценностей и идеалов за единые социальные нормы и жизненные модели, отраженные в языке и транслируемые языком. Язык играет особую роль в воспроизведении андроцентризма (Психологическая энциклопедия 2003: 40), своими средствами обосновывая «невидимость» женщины: язык «исключает» женщин как меньшинство; определяет их как не-мужчин; представляет зависимыми, подчиненными; игнорирует достижения женщин; оперирует устоявшимися стереотипами, не выходя за рамки стереотипов фемининности; исключает из языка дискурса отражение специфически женского опыта. К языку со стороны феминистской критики языка выдвинут ряд «упреков» в андроцентричности (см. Гендер и язык 2005: 16-17).

Дискриминативные структуры в языке или родополовая (гендерная) асимметрия?

Очевидная неравномерная представленность в языке лиц мужского и женского пола становится определяющей в различном видении явления, именуемого одними учеными языковой дискриминацией, другими – гендерной асимметрией.

Под термином дискриминация (лат. *discriminate* – различие) обычно понимают нарушение прав личности (в сфере труда, политики, бизнеса и т.п.), ограничение или лишение прав определенной категории граждан по признаку расовой или национальной принадлежности, по признаку пола, по религиозным и политическим убеждениям и т. п., в более широком смысле – ограничение в правах, лишение равноправия (Словарь иностранных слов 2006). Однако термин языковая дискриминация в том значении, в каком он так часто используется в лингвогендерологических исследованиях (язык – дискриминирующий субъект), не представлен ни в одном из современных словарей. Ср. Языковая дискриминация (лингвизм, лингвистическая дискриминация) – дискриминирование по признаку языка (недостаточное владение языком, доминирующем на данной территории); ущемление прав человека или этнической группы по языковому признаку) (Словарь гендерных терминов). Имея в виду дискриминацию, «осуществляемую» языком, или языковой сексизм как действие активного субъекта, ученые используют многочисленные эквивалентные понятия: дискриминативные структуры языка, половая дискриминация в языке, гендерные предубеждения в языке, языковой (лингвистический)

сексизм: сексистские морфемы (лексемы, фраземы, паремии), сексистский потенциал языковых средств (лексических, морфологических, синтаксических единиц), сексистский потенциал дискурса.

Сторонники взвешенного подхода, настроенные идеологически непредвзято, не прибегая к «сильным» антропным метафорическим определениям языка как агрессора, деспота и т.п. по отношению к женщинам, квалифицируют это явление как родополовую (гендерную) асимметрию – неравномерную, непропорциональную представленность в языке представителей обоего пола и представлений о них как следствие постпатриархатных координат общественного мышления. В то время как сторонники такого подхода к гендеру в языке, речи и языковом сознании видят в этом явлении объективный факт возникновения и развития языка в системе патриархатных координат общественного мышления, феминистская критика языка усматривает в истоках и проявлениях родополовой (гендерной) асимметрии скрытые патриархатные и дискриминативные установки и структуры, господствующие в общественном сознании и определяющие бытие человека в мире. С языковой «дискриминацией» тесно связано понятие языкового сексизма. Под языковым сексизмом понимают андроцентричную доминанту языка и, как следствие, – многочисленные дискриминативные структуры, укоренившиеся в нем: именно благодаря им женщины в языке отображаются как второсортная маргинальная группа, их в языке «не видно», их голоса «не слышно». Идеологи феминизма убеждены: в нашем обществе, культуре и языке мужское доминирование рассматривается как естественное, очевидное, привычное и вечное, а, следовательно, справедливое, и с этим надо бороться. Введение понятия сексизм сделало видимой дискриминативную для женщины мужскую картину мира, которая также отражается и закрепляется в языке (Словарь гендерных терминов; Калабихина 1998).

QUI QUAERIT, REPERIT: КТО ИЩЕТ,

НАХОДИТ И ПОЧЕМУ ЭТО ВОЗМОЖНО?

Проблема поиска и обнаружения в языке «дискриминативных структур» тесно связана с тремя ключевыми вопросами, на который каждая группа исследователей находит (или изначально имеет) «свой» ответ. Первый, вопрос, который можно определить как «угол зрения», звучит так: как изучать язык с точки зрения

отражения в нем рода, пола и гендера – изначально исходя из аксиоматичности идеологической установки дискриминированного положения женщин или вне таковой? Второй: какое поле исследования достаточно для обоснованных выводов о «дискриминации языком» женщины: феминистское (в центре внимания – образ женщины в языке, исследуемый на «женском» материале), андроцентричное (в центре внимания – образ мужчины, изучаемый на соответствующем материале) или «обоюдоецентричное», ведь мужское и в языке, и в культуре, и в социуме неразрывно связано с женским и наоборот. И третий, в значительной мере связанный со вторым: в каком соотношении пребывает мужское и женское в языке и культуре: в отношении контрарности (включения), комплементарности (пересечения) или векторности (противоположности разнонаправленных характеристик, признаков, действий) и какой из видов этих отношений образует гендерный «ландшафт» в языке, речи, познании, культуре? Все три вопроса, точнее ответы на них авторов, приступающих к лингвистическому гендерному анализу, можно считать исследовательскими гендерными стереотипами, которые кардинальным образом определяют и определяют ход и результаты работ подобного рода.

Угол зрения. Феминистская критика языка настаивает: андроцентризм в языке – вирус, от него можно и нужно избавиться; вся проблема в системе языка, созданного мужчиной и дискриминирующего женщину. Поэтому язык нужно изменить, реформировать, гендерно скорректировать и создать гендернопаритетный, в иных терминах – гендернонейтральный, гендерно инклюзивный, недискриминативный, положительный, непредвзятый, гендерно чувствительный, несексистский, политкорректный язык.

Представители взвешенного подхода к проблемам гендерного баланса в языке, речи, культуре считают: андроцентризм в языке – ген, объективное следствие патриархатных констант общественного мышления, отраженных в языке; родо-половые асимметрии – естественный результат исторического развития его морфологической и номинативной системы; подход к языку с позиций «обиженного» приводит к неоправданно высокой степени субъективности, искажению результатов исследования. Проблема не в языке, а в его восприятии и интерпретации гендерно сознательной частью общества. Реформирование же языка рассматривают как насильственное вмешательство в его организм, ибо

нарушение одной подсистемы влечет за собой изменения другой и дисбаланс всей системы языка. В этой связи не лишенным оснований кажется вопрос о том, сколько же у нас гендерных лингвистик? Однако ответ на него – далеко не прост и заслуживает отдельного исследования.

Феминистский или андроцентричный подход? Изначально исследовательское поле феминистской (гендерной) лингвистики сформировалось как феминистское¹. В центре таких исследований – женщина как «другой». Их цель – выявить дискриминативные структуры языка и речи как использования языка говорящими, пребывающими под влиянием гендерных стереотипов; очертить аксиологически негативный образ женщины в культуре, социуме и языке.

Андроцентричный подход сформировался только в самом конце XX века как реакция на многочисленные исследования фемининного и фемининности. В его центре – мужчина. Однако образ мужчины в языке и речи чаще исследуется односторонне – в координатах патриархатного общественного мышления и мужской нормы властвования, мужской субъективности, рациональности, активности и т.п. И лишь в последнее время ученые приходят к мысли о том, что мужское и женское в языке неразрывно связаны, и что игнорирование одного из них неминуемо приводит к деформации образа другого, поэтому их отношения должны изучаться не с позиции доминирования какого-нибудь одного пола в языке, а с позиций исследовательской объективности (см. подробнее Алексеенко 2009: 835-836).

Гендерная оппозиция: противопоставление или (и) сопоставление? Термин **оппозиция** (от лат. *oppositio* – противопоставление) в последнее время экстраполирован и на гендерные отношения. Гендерная оппозиция – противопоставление гендерно существенных фактов одного уровня с целью выявить сходства и различия между ними, ибо любое противопоставление есть неотъемлемым результатом сопоставления. Понимание и этого базового термина метаязыка гендерных исследований представителями разных «углов зрения» на гендер оказывается разным. Если сторонники первого

¹ По убеждению Д. Гиллмора, женское в языке исследовалось представителями феминистской лингвистики достаточно активно и в разных направлениях, в то время как маскулинность, будучи равно насыщена интересной проблематикой, все еще страдает от синдрома предвзятых отношений (Гиллмор 2005: 36). По крайней мере в славистике, в частности и в украинистике, образ мужчины в плане изученности явно дискриминирован в сравнении с образом женщины. Только в последнее десятилетие на фоне специальных работ, посвященных изучению маскулинности, образ мужчины в языке проступает более-менее целостно и выразительно.

направления все еще пребывают в плену абсолютизации мужского по отношению к женскому, представители второго понимают: оппозиция мужское © женское в культуре и языке не привативна и тем более не векторна (дихотомично-абсолютна) – она эквиполентна. Исследовательски неоправданно изучать образы мужчины и женщины изолированно друг от друга: реальный образ женщины проступает лишь на фоне образа мужчины и наоборот. Только с учетом реального взаимодействия их образов возможно воссоздать непредвзятый гендерный «портрет» мужчины и женщины в языке и культуре.

Исследовательский стереотип. Исследователь часто пребывает в «плену» устоявшихся в сфере гендерного анализа языка и дискурса идеологизированных подходов к явлению и собственных исследовательских стереотипов. В итоге многие работы и их концепции строятся на базе лингвистических и гендерных «аксиом» феминистской идеологии и а priori интерпретируются с точки зрения позиций феминизма. Как следствие – «язык как дом бытия и дом духа» мужчины и женщины строится по-разному, ибо изначально по-разному спроектирован. Лингвистическим категориям приписываются содержательные характеристики, идеологически нагруженные в своей основе, стереотипы мужественности и женственности, установленные для одних языков и культур, непосредственно и безосновательно переносятся на другие.

Феминизация в зеркале языковой дискриминации и гендерного равенства

Термин феминизация – полипарадигмальный, изначально употреблявшийся в биологии, генетике, медицине, социологии (феминизация внешности, физиологическая и патологическая феминизация, феминизация цивилизации, феминизация общества, феминизация бедности, феминизация занятости, феминизация образования и под.). В языкознании термин феминизация используется главным образом для обозначения словообразовательных феминативов – парных существительных женского рода от мужских их панданов (мочия, мовирование) (учитель – учительница, студент – студентка, раб – рабыня) (Клименко 2004: 384). В таком случае под феминативами понимают слова женского рода, альтернативные или парные аналогичным наименованиям мужского рода, обозначающим профессию, род деятельности, социальный статус и под. Однако феминизация в языке может рассматриваться

и шире – как наличие в лексических, грамматических или синтаксических структурах языка маркера (идентификатора, дистинктива) женского пола, ведь не во всех без исключения случаях женские наименования образуются на базе мужских: в словообразовательное поле фемининности включаются кодеривация (петь певец, певица; Украина украинец, украинка), т.н. чересшаговое словообразование¹ (детектив – *детективщик², *детективщица*), альтернативное фемининное словообразование (роженица, прачка, сиделка), синтаксическое согласование (молодая инженер приступила к работе; профессор Озерова) и под. Однако в современном украинском языке с наиболее высокой активностью представлена именно словообразовательная феминизация, на которой и сосредоточим наше внимание.

Здесь также имеют место крайне противоречивые мнения и оценки, представляющие две идеологические доминанты, одновременно связанные с вопросами гендерного равенства мужчин и женщин в языке. Одни считают, что языковое равенство предполагает наличие в языке как мужского, так и женского парного наименования статусного характера (по профессии, роду деятельности, социальному статусу и под.), следовательно, женское наименование безусловно необходимо и желательно. По мнению других, словообразовательная маркированность женского наименования является своеобразным «упреком» женщине в том, что она не-мужчина, подчеркнутым дискриминирующим указанием на женский пол. Когда женщина становится «видимой» в языке, это делается исключительно для того, чтобы подчеркнуть ее второстепенный статус и подчиненное положение. Соответственно, необходимость создания словообразовательного феминатива ставится под сомнение и признается нежелательной.

В первом случае статус маскулинного наименования как *nomina generica* считается дискриминативным, в другом – нет. Как видим, камнем преткновения здесь оказывается генерализирующая функция маскулинного наименования: директор, профессор, доцент, академік, інженер и др. способны во многих славянских языках, не только в украинском, именовать лицо и мужского, и женского пола, а также смешанную по полу группу лиц. Представители феминистски ориентированной

¹ Под чересшаговым словообразованием понимают явление пропуска звеньев словообразовательной цепочки в процессе деривации, в нашем случае – маскулинного наименования (Нелюба 2011б: 201-209).

² Знаком * обозначаем потенциальное слово, которое могло бы быть образовано, но на его месте возникает словообразовательная лакуна (звено словообразовательно цепочки пропущено).

лингвистики считают, что обобщающая референция мужских наименований – не системное свойство всех родовых языков, в том числе и славянских, где это явление стало результатом отражения соответствующих процессов в истории субстантивного склонения (Шульга 1984: 99), а свойство, «приписанное» им обществом, в котором доминируют мужчины (Л. Долешаль, С. Трельмель-Плетц, М. Хеллингер, Я. Валдрова, О. Семиколенова, А. Шилина, Я. Пузыренко, О. Сененко и др.)

Среди феминистских точек зрения выделим две взаимоисключающие. Первая: главное, чтобы женщина не была обозначена наименованием, маркированным мужским грамматическим родом (имеется в виду маскулинизм в генерализирующей функции типа укр. академік, ректор, психолінгвіст, хірург, посол и под.). Такую возможность маскулинному наименованию «приписало» мужское сообщество, контролирующее и поддерживающее свое доминирование в обществе и языке. Женский маркер (феминизирующий формант) выводит женщину из мужского номинационного пространства и вводит в естественное для нее женское пространство. Равноправие – в наличии отдельных парных наименований для мужчины и женщины. Вторая: мужское наименование более престижно. Женщина выполняет свои профессиональные обязанности наравне с мужчинами и нет никакой необходимости подчеркивать ее пол. Женский дистинктив унижает женщину. Такая «видимость» имеет асимметричный характер и только подчеркивает женское как отклонение от нормы.

Представители системоцентричной точки зрения настаивают: система сдерживающих феминизацию лингвальных факторов не случайна и ее нельзя недооценивать; многие новообразованные феминативы неблагозвучны, имеют сниженный и даже насмешливый характер³. Поэтому лучше естественное для языка мужское наименование, чем «топорное» женское. Нельзя калечить язык. Кроме того, во многих случаях генерализирующего употребления маскулинизма пол утрачивает свою актуальность. В свое время польский ученый Витольд Дорошевский писал: «Если женщина занимает пост министра, то она должна выполнять на этом посту

³ В одном из своих интервью Александр Першай, известный как ярый борец с сексизмом, высказался по этому поводу так: «Во многих славянских языках это очень четко видно, поэтому даже если ты захочешь использовать женский вариант наименования по профессии, то несколько раз подумаешь перед тем, как это сделать, чтобы зря не унижить человека. Потому что женский вариант наименования по профессии очень часто имеет уничижительный характер» (Почему в русском языке нет «пилотчиц», «хирургинь» и «президенток»? Из интервью Елены Вапничной с Александром Першаем. Новости ООН. 19.09.2014.)

те же обязанности, что и министр-мужчина. В принципе указание на пол министра точно так же лишено связи с его функцией, общественно-гражданской, как и цвет его глаз» (Doroszewski 1948: 69).

Моция как базовый способ образования феминативов в украинском языке

Моция, мовирование (от лат. *motio* – движение) – способ суффиксального (значительно реже – флективного) образования существительных со значением женского пола от существительных мужского рода (укр. студент студентка; працівник працівниця; дослідник дослідниця). Такие существительные в преобладающем большинстве отмаскулинны (женская моция). Лишь в отдельных случаях отглагольного или отыменного словообразования (демографические наименования) может идти речь о кодировании: працювати працівник – працівниця, Київ киянин, киянка. Однако в случае классической моции не только в украинском, но и в других славянских языках феминативы демаскулинны – базовым для образования феминатива выступает преимущественно мужское наименование (вихователь вихователька, кранівник кранівниця, поет поетеса). Если к этому явлению подходить с позиций гендерного равенства, то «победа» оказывается иллюзорной: женщина получает отдельное наименование со словообразовательным маркером женского пола, но асимметрия не исчезает: основой феминатива все равно практически всегда остается мужское наименование, и снова женщина оказывается «производной» от мужчины.

В классическом его проявлении мовирование – модификационная словообразовательная категория (Докучил 1962, 1: 46-47). В паре учитель – учительница наименование учитель – немаркированный член оппозиции (по Р. Якобсону), учительница – маркированный. Оба слова имеют тождественный семантический объем, учительница отличается только модифицированной семантикой женского пола. Для чешского языка, на материале которого возникла теория М. Докулила, мовирование – сугубо модификационная категория, это правило. В чешском языке любое мужское наименование (главным образом статусное) должно иметь и имеет женскую пару. Исключения единичны [Ѕтисна 2014: 577-596]. Однако в украинском и других славянских языках с нерегулярным мовированием его статус как категории модификационной оказывается проблематичным. Принцип тождества смыслового

объема маскулинизма и производного от него феминатива в огромном количестве случаев нарушается.

Многие формы мужского и женского рода (последние в украинском языке чаще являются принадлежностью разговорного стиля), по данным толковых словарей, различаются семантически и несут на себе различную коннотацию: *математик* 'специалист в области математики; ученый' феминатив *математичка* 'студентка математического факультета; учительница, преподаватель математики' (но не ученый); акушер – 'Врач–специалист (высшее образование) по акушерству' акушерка – 'Женщина со средним медицинским образованием, которая имеет право оказывать помощь при родах'; мастер 'специалист высокого класса', майстриня 'женщина, занимающаяся народным ремеслом (вышиванием, плетением и под.)'; профессионал 'специалист высокого класса' профессионалка 'шлюха' и др. Иногда феминатив образуется не от всех значений маскулинизма или же имеет иное стилистическое значение: инженер 'специалист с высшим образованием в какой-либо технической сфере', инженерка ж. разг. к инженер, в частности и привнесенное феминизирующими формантами: (професор 1. Ученое звание, должность; 2. Человек, имеющий такое звание и занимающий такую должность, професорша разг. супруга профессора; професорка разг. Женщина-профессор). В итоге при мовировании в украинском языке феминатив очень часто не равен маскулинизму ни семантически, ни прагматически, ни стилистически, характеризуется сниженностью и уничижительностью, и это несмотря на то, что социальный статус женщины в украинском обществе еще со времен Киевской Руси был, как утверждают сегодня многие украинские ученые, существенно выше, чем у многих соседей-славян (Кривоший 1996; Гримич 2012: 16-21, Кись 2012).

Факторы, стимулирующие и сдерживающие феминизацию в украинском языке

К факторам, стимулирующим процессы словообразовательной феминизации, относятся как внеязыковые, так и собственно языковые. Внеязыковыми стимулами выступают: изменение статуса женщины в современном обществе; влияние идей языкового равенства; влияние феминистского опыта других стран. Среди языковых выделим общую славянскую тенденцию называть женщину женским наименованием, берущую начало от древнейших гетеронимических наименований, строго дифференцирующих пол во всех числовых формах

(батько – мати, брат – сестра, чоловік – жінка); наличие разветвленной системы феминизирующих формантов (их в украинском языке 14); трудности в языковой идентификации женщины иными средствами, нежели словообразовательные феминативы (жінка-космонавт, професор Світлана Єрмоленко, член-кореспондент Академії наук наголосила и др.); наличие регулярных парных феминативов в других языках (здесь можно говорить как о современном опыте феминизации в европейских языках (нем. *Kanzler – Kanzlerin*, англ. *actor – actress*), так и других славянских языках, где мовирование имеет бóльший, чем в украинском языке, удельный вес, например в чешском, который сторонники феминизации женского лексикона наиболее часто приводят в пример как язык с регулярным мовированием (чеш. *akademik – akademička, inženýr – inženýrka, náměstek – náměstkyně*).

Одним из мощных факторов, стимулирующих феминизационные процессы в современном украинском языке, оказалось влияние национально-языкового пуризма. Этот фактор расположен на границе внеязыковых и языковых стимулов феминизации: с одной стороны, он в значительной мере определен существенными изменениями национального самосознания украинцев в контексте государственной независимости. С другой – опирается на убеждение части украинских исследователей в том, что именно диктат соседнего русского языка и давление его нормы в советское время сдерживал феминизационные процессы в женском лексиконе украинцев, в то время как в украинском языке, в отличие от русского, нет никаких собственно языковых факторов, способных существенно повлиять на возможность образования женских наименований путем словообразовательной феминизации (Нелюба 2011а: 137). В контексте национализации как «украинизации» женского лексикона феминизация мужских наименований провозглашается одним из направлений национально-языкового возрождения.

К неязыковым факторам сдерживающего характера следует отнести значительный консерватизм коллектива говорящих, привыкших обозначать женщину мужским наименованием, имеющим в языке более высокий «статус», а также отсутствие «социального заказа» на фемининное наименование. Значительно более мощными факторами, сдерживающими феминизационные процессы в украинском языке новейшего времени, оказываются факторы собственно языковые. Среди них – генерализирующая функция маскулинизма и его обобщающий характер; фонетико-

структурные особенности производящей основы мужского наименования, порождающие неблагозвучные сочетания на морфематическом шве (см. филолог, картограф, закарпатець, іракець, водовоз, казнокрад, трагік, холерик); семантическая, прагматическая и стилистическая неравнозначность мужского и женского наименования, совмещенная двузначность исконно андронимических суффиксов (директор – директорша 'супруга директора', их стилистическая «нагруженность» (бондар – бондариха); потенциальный конфликт омонимов (вівчар 'пастух овец' – вівчарка 'порода собак, используемая для охраны стада овец'); влияние нормы книжных стилей, главным образом официально-делового, где пол лица как специалиста в какой-либо сфере не имеет актуального значения. Тем не менее под влиянием общих для европейского пространства активных процессов развития языков новейшего времени и идей национально-языкового возрождения как отталкивания от нормы русского языка и использования собственных языковых ресурсов феминизация мужских наименований в украинском языковом сообществе только набирает силу.

Активизация феминизирующих процессов в украинском языке новейшего времени

В контексте общих для европейских языков и сообществ демократизационных, глобализационных процессов с учетом распространения идей феминизма, языкового равенства и национально-языкового пуризма с его лозунгом освобождения украинского языка от инородных (главным образом – русскоязычных) влияний путем активизации собственных языковых ресурсов сегодня в Украине происходит форсированная «украинизация» украинского языка, понимаемая как возвращение к «насильственно прерванной» традиции феминизации периода украинизации 20-30-х годов XX века и мощное стремление «одеть» неофеминативы в «украинскую национальную одежду». Значительным в этой связи оказывается влияние языка украинской диаспоры, который сохранил в словоупотреблении феминативы, функционирующие в речи украиноязычного населения на западных территориях Украины начала XX века, не дав им «погибнуть». Феминизационный «бум» в современном украинском словоупотреблении в значительной мере предопределен и социолингвистической позицией украинского языка, иррациональным отношением украинцев к своему языку, о котором пойдет речь ниже. Сегодня категория фемининности понимается как «украинский прорыв»,

возрожденная в новой Украине словообразовательная категория, представляющая собой актуализацию внутренних, исконно свойственных системе украинского (в отличие от русского) языка ресурсов, которые долгое время пребывали под жестким «запретом». Отсутствие женских наименований – последствия диктата коммунистического режима и нормы русского языка, приведшего к насильственному выхолащиванию украинских фемининных словообразовательных парадигм. Украинские сторонники феминизации призывают возродить ее в противовес русскому языку, понимая такое возрождение как попытку отмежеваться от недружественного в этом отношении языка и культуры, в которой, по их убеждению, социальный статус женщины всегда был существенно ниже, чем в украинской. Отправным пунктом для возрождения должна стать феминизация периода украинизации.

Период украинизации (коренизации) (20-30-е годы XX века) воспринимается сегодня украинскими учеными и общественностью как «расстрелянное Возрождение». Именно в эти годы украинцы получили первую реальную возможность национально-государственного, национально-культурного и национально-языкового строительства. Исходя из политики коммунистической партии в тот период было разрешено воспитание кадров из представителей коренной национальности, использование в партийной деятельности и обучении родного для коренного населения языка, развитие национальной культуры. Результатом стал мощный всплеск образования на украинском языке, активизация украинской научной деятельности, издание 18 двуязычных «московско-украинских» словарей. Для тогдашней Украины процесс украинизации фактически обозначал процесс национализации путем дерусификации. Судьба этого периода и его деятелей сложилась трагически: в начале 30-х годов XX века украинизация была свернута, ее результаты подвергнуты сомнению как «идеологически вредные», многие научные работы, словари и их авторы физически уничтожены. Сегодня серьезные ученые говорят об этом процессе как противоречивом, имеющем как безусловно положительные, так и отрицательные стороны: этот период нельзя замалчивать, однако же его наследие нельзя механически переносить в день нынешний, – все, что создано в то время, следует использовать творчески и критически (Гриценко 2013: 6). Одним из противоречивых фактов того периода оказалась и феминизация, следы которой сохранились в язы

ке украинской диаспоры, главным образом представляющей западноукраинский вариант общенационального языка начала XX века. При этом вопрос о том, под влиянием каких соседних славянских языков появились в этом варианте украинского языка подобные феминативы, не принимается во внимание.

Аргументом в пользу феминизации оказывается и опыт других языков, который понимается а) как опыт создания гендерно толерантного языка в английском, немецком и других европейских языках; б) как следование традиции и нормам языков, в которых словообразовательная феминизация имеет статус регулярного явления либо обнаруживает более высокий, нежели в украинском, индекс нормативности и употребительности. Наиболее часто в качестве «образца для подражания» фигурирует чешский. Чешский – действительно уникальный среди других славянских языков относительно статуса словообразовательной феминизации. В нем образование парных существительных женского рода от мужских наименований – явление регулярное, нормативное и обязательное к употреблению (*profesorka, lingvistka, socioložka, chirurgyně, poslankyně, starostka, kapitánka* и др.). В этом языке женские эквиваленты имеют все без исключения воинские звания, начиная от сержанта и заканчивая контр-адмиралом и фельдмаршалом, что закреплено в Уставе вооруженных сил Чешской Республики, принятом в 2005г. Исключения из правила действительно единичны. Однако у этого языка, как и любого другого, – свои традиции и свои правила, выработанные уникальной историей его развития, которые нельзя механически перенести на иную языковую почву. Поэтому скромное предложение «изменить языковую традицию», сломав ее, – «бессмыслица, так же, как и попытка перенести культурно-языковую традицию с одного языка на другой, какой бы привлекательной она нам ни казалась и как бы нам этого не хотелось (Fidelius 2008).

Важной в этой связи оказывается и социолингвистическая позиция украинского языка. Украинский относят к языкам с низкой социолингвистической позицией (Ткаченко 1989: 178-191), которые развивались и продолжают развиваться под мощным влиянием других языков (в украинской ситуации речь идет о соседнем русском), что в итоге сформировало общее иррациональное отношение культурно-языкового коллектива к своему языку. По теории Ф. Данеша, рациональное отношение к языку предусма-

тривает инструментальное понимание языка как средства общения, оценку его средств выражения по критериям целесообразности и адекватности выполняемым функциям, соблюдение коллективных норм. Иррациональное – восторженное отношение к языку как к чуду, богоданному и уникальному знаку, символу национальной идентичности. Именно такое отношение к языку предопределяет традиционалистский подход, составляющими которого являются определенный изоляционализм, пуризм и под. (DANEŠ 1999: 254).

В современном украинском языковом пространстве наблюдаем мощное усиление тенденции (как «научного», так и «наивного» характера) к огульному «отталкиванию» от русского языка, призыву «ломать традицию», что характеризует не столько полюс украинского языка, сколько состояние общественного сознания в его стремлении к сохранению национальной идентичности. Абсолютизация этой тенденции активизировала процессы, направленные на дерусификацию и национализацию украинского языка с неминуемым субъективизмом в оценках «своего» и «чужого» (см. подробнее Тараненко 2010: 56-57) и «гиперкорректным» отталкиванием от любых русских образцов. При этом влияние других языков (в частности, польского) воспринимается как данность, которая украинскому языку никоим образом не вредит (Тараненко 2013: 72).

Результаты фемининной неологизации: украинский опыт

Результатом фемининного «возрождения» в современной Украине стало активное образование феминативов вопреки сдерживающим языковым факторам, а иногда и здравому смыслу: філологиня, політичка, філософеса, теоретикиня, педагожка, соціоложка, старостиня, послиня, редактриса, виступантка, авторкиня, канцлериня, істориня, творкиня, роботодавиця, політичка и под.). К мужскому наименованию мовець «говорящий на определенном языке» образовано сразу два женских наименования – мовкиня и мовчиня, последний из которых в сознании говорящего на украинском языке скорее ассоциируется в глаголом мовчати «молчать», нежели с мовити «говорить». При этом феминативы образуются не только в случае отсутствия у мужского наименования женской пары. Наблюдается неконтролируемое расширение деривационных рядов наименований, уже имеющих в языке зафиксированные словарями, пусть

и с ограничительными пометами, феминизированные формы (професор – жінка-професор, професорка разг., професорша разг., професориня, професориця, професориха, професореса, професориса; літературознавець – жінка-літературознавець, літературознавчиня, літературознавиця, літературознавка), расширение их вариантных рядов (творець – творкиня, творчиня, творителька) и под. Активно возвращаются в современное словоупотребление феминативы из языка украинской диаспоры (членкиня, продавчиня, прес-секретарка). Влияние «моды» на употребление подобных средств языковой идентификации женщины приводит к активному их функционированию не только в языке современных масс-медиа, но и в речи образованной части украинского языкового сообщества (ученых, политиков, журналистов, преподавателей), происходит мощный прагматико-стилевой (семантические, прагматические наслоения, стилевые несоответствия новообразованных феминативов и исходных для них мужских наименований не берутся во внимание) и стилистический сдвиг, новообразованные феминативы массово проникают в научный, официально-деловой стили, куда им путь был заказан стилевой нормой. При этом отношение к такому национальному женскому «возрождению» в лингвокультурном коллективе украинцев и в академическом сообществе сегодня далеко от однозначного: оно различно до противоположного.

Феминизация: ЗА и ПРОТИВ

Оценка процессов феминизации также оказывается в плену «угла зрения» (с какой стороны, как и «какими глазами» посмотреть...). С позиции социолингвистики неофеминизация оценивается как процесс безусловно положительный, ибо во главу угла ставится коммуникативная ценность феминативов (компактность (языковая экономия), удобство в употреблении). С учетом доминирования функционального и инструментального критериев оценки их главная миссия видится в соответствии требованиям времени. Феминативы рассматривают как результат активного народного языкотворчества и волеизъявления, а их активное и неконтролируемое употребление в речи – как аргумент в пользу возрастания их социолингвистического статуса. С точки зрения системно-структурного подхода к неофеминизации чрезвычайно острой оказывается проблема соответствия новообразованных средств языковой идентификации женщины системе и структуре языка и его норме. Сторонники этого подхода

настаивают на учете и результативного (И. Удлуханов), и эстетического (Г. Сютя) критериев, с тревогой обращают внимание на рефлексии к динамическому равновесию в языковой системе и вопросам соответствия реальной, а не мифологизированной языковой традиции словообразовательной феминизации.

Академическое сообщество пока по этому процессу официально не высказывается. Взгляды ученых достаточно осторожны и колеблются на шкале: «Либеральное общество предлагает носителю языка максимальное «количество» свободы – пусть сам выбирает слова и выражения, которые ему больше по душе» (П. Селигей); Феминативы типа *історикиня*, этнографиня, педагогиня следует употреблять крайне осторожно, к тому же они слишком «топорно» звучат (А. Авраменко); В современном украинском обществе этот процесс развивается уже независимо от отношения к нему языковедов и лексикографов. Однако это не означает, что дериваты женского рода можно образовывать вполне автоматически. Разговорность многих таких единиц вполне очевидна (А. Тараненко) (см. подр. Архангельська 2014: 40-42; 2016: 178-179).

Нельзя в этой связи не учитывать и «глас» самих женщин, того, как они сами относятся к подобного рода средствам повышения своего общественного статуса, в частности к феминативам в плане женской самоидентификации. С одной стороны, феминативы гораздо чаще и образуют, употребляют сами женщины. С другой, многие женщины отдают предпочтение мужскому наименованию (главным образом статусному) (см. подр. Архангельська 2011: 67-121). Лина Костенко, одна из наиболее выдающихся личностей на современном украинском поэтическом олимпе, настаивает, что она – «поет, а не поетеса». В то же время Леся Украинка на Ивана Франко¹, назвавшего ее «едва ли не единственным мужчиной на всю современную ему соборную Украину», по утверждению профессора Татьяны Космеды, одного из авторов монографии «Гендерна лінгвістика в Україні...» и высокоавторитетного знатока творчества этих выдающихся представителей украинской художественной и философской мысли на рубеже XIX-XX веков, обиделась. В приватном разговоре проф. Т. Космеда призналась, что она бы тоже обиделась. Автор настоящей статьи, напротив, такую оценку почитала бы за честь.

¹ Леся Украинка – известная украинская писательница, переводчик и культурный деятель конца XX – начала XXI века, яркая представительница феминизма в украинской литературе. Иван Франко – выдающийся украинский писатель, поэт, публицист, драматург, переводчик, ученый, общественный деятель того же периода.

Белей, Л.Л. «Мовний маркетинг як інструмент мовної політики». Мовознавство. 2015. №5. С. 3–12.

Гендер и язык / Под ред. А. В. Кирилиной. Москва: Школа «Языки русской культуры», 2005.

Гендерна лінгвістика в Україні: історія, теоретичні засади, дискурсивна практика. Харків-Дрогобич, 2014.

Гилмор, Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности (Пер. с англ.). Москва: РОССПЭН, 2005.

Гримич, М. (2000), «До питання про статус жінки в традиційному українському суспільстві». Етнічна історія народів Європи. 2000. №7. С. 16–21.

Гриценко, П. «Непроминальний досвід розбудови української мови». Дубровський В. Словник московсько-український. Передмова. Київ, 2013.

Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. Москва: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.

Кирилина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации. Москва: МГУ, 2000.

Кирилина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты. Москва: Институт социологии РАН, 1999.

Кісь, О. Жінка в традиційній українській культурі (друга половина XIX – початок XX століття). Львів, 2008.

Клименко, Н.Ф. «Моція». Українська мова. Енциклопедія. 2-е видання, перероб. та доп. Київ: Українська енциклопедія ім. М.П.Бажана, 2004.

Калабихина, И. Е. «Краткий понятийный словарь по гендерным исследованиям». Социальный пол: экономическое и демографическое поведение. Учебно-методические материалы по курсу. Москва, 1998.

Кривоший, О.П. Жінка в суспільному житті України (друга половина XVI-перша половина XVII століття). Запоріжжя, 1997.

Малахова, О.А. «Гендер у сучасній українській лінгвістиці: джерела й перспективи». Гендерна освіта – ресурс розвитку паритетної демократії. Тернопіль, 2011. С. 366–369.

Нелюба, А.М. «Черезкроковий словотвір й інноваційні явища в українській мові (на зразках

суфіксальних дериватів)». Вісник Дніпропетровського університету. Серія: Мовознавство. 2009. Т. 17. Вип. 15(1). С. 201–209.

«Гендерна лінгвістика» і малопродуктивні словотворчі засоби». Лінгвістика. 2011. 1(22). II. С. 135–142.

Ожегов, С.И. end Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: Издательство «Азъ», 1992.

Психологическая энциклопедия /Под ред. Р.Корсини, А.Ауэрбаха. 2-е изд. Москва – Санкт-Петербург, 2003.

Словарь гендерных терминов /Под ред. А.А.Денисовой. Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». Москва: Информация XXI век, 2002.

Комлев, Н.Г. Словарь иностранных слов. Москва: Эксмо, 2006.

Спендер, Д. «Мужчина создал язык». Введение в гендерные исследования. Хрестоматия. Ч. 2. Харьков – Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. С. 775–784.

Аберкромби, Н. end Хилл, С. end Тернер Б. Социологический словарь. Казань: Изд. Казанского университета, 1997.

Ставицька, Л. О. «Гендерні стереотипи в сучасній українській мовній свідомості (за даними асоціативного експерименту зі словами мати, батько)». Дивослово. 2005. №5. С. 47–51.

«Мова і стать». Критика. 2003. №6. С. 29–34 «Гендерна лінгвістика: українська перспектива». Українська мова. 2004. №3. С. 58–66.

Сукаленко, Т. «Гендер» як соціолінгвістичне поняття». Лінгвістичні дослідження. Харків: ХНПУ ім. Г. Сковороди. 2013. Вип. 36. С. 248–254.

Тараненко, О.О. «Мова української західної діаспори і сучасна мовна ситуація в Україні». Мовознавство. 2013. №2-3. С. 63–99.

«Українсько-російські мовні контакти на сучасному етапі: притягування і відштовхування. I. Впливи, інтерференція, запозичення». Мовознавство. 2010. №2-3. С. 55–82.

Ткаченко, В.А. «Теоретические и практические вопросы калькирования». Языковые ситуации и взаимодействие языков. Киев 1989. С. 178–191.

Шкапенко, Т.М. «Идеи И.А.Бодуэна де Куртенэ в гендерных исследованиях польских лингвистов». III Международные Бодуэновские чтения: И.А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. Т.2. С. 31–33.

Шульга, М.В. Развитие морфологической системы имени в русском языке. Москва: Издательство Московского государственного университета леса, 2003.

Daneš, F. «Dialektické tendence ve vývoji spisovných jazyků». Jazyk a text. Výbor z lingvistického díla F. Daneše I. Část 2. Praha: FF UK, 1999. S. 249–263.

Dokulil, M. Tvoření slov v češtině 1: Teorie odvozování slov Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1962.

Doroszewski, W. Rozmowy o języku. Warszawa-Kraków. Polsk. Radio-Birmo Wyd.-wo. Seria 1, 1948.

Fidelius, P. «Tedy o tom přechylování». Mladá Fronta DNES, 16. 11. 2008.

Jerundd, B. end Neustupný, J. «Language planning: for whom?» L.Laforge (ed.). Proceedings of the International Colloquium on Language Planning. Quebec: Les Presses de L'Université Laval. S. 69–84.

Kopecký, J. «Přechylování v češtině jako příklad jazykového managementu». Slovo a slovesnost. 2014. R. 75 (4). S. 271–293.

Nekvapil, J. end Sherman, T. «Jazykový management a teorie jazykového managementu: úvodní poznámky». Slovo a slovesnost. 2014. R. 75 (4). S. 245–254.

Nekvapil, J. end Sherman, T. (eds): Language Management in Contact Situations: Perspectives from Three Continents. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009.

Spolsky, B. Language Management. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Šticha, F. a kol. Akademická gramatika spisovné češtiny. Praha: Academia 2